

ПЛЯТТ И. И. — в ОГПУ

ПЛЯТТ Иван Иосифович, родился в 1880-х. Окончил гимназию. Социалист, до революции арестован в Одессе за речь на вокзале при встрече профессора Ярошенко и заключен в тюрьму; позднее освобожден, но вскоре вновь там же арестован и заключен в тюрьму. В 1900 — поступил на юридический факультет Петербургского университета; дважды исключался из университета с последующим восстановлением. В 1905 — после исключения из университета выехал в Ташкент, редактировал газету "Вперед"; арестован за пропагандистскую работу в войсках гарнизона с последующей высылкой в Могилевскую губернию. В 1906 — выехал в Одессу, окончил Одесский университет, сдал экзамены за два курса, служил адвокатом. С 1909 — нелегально проживал в Ростове на Дону; в 1910 — арестован в Санкт-Петербурге и заключен в Дом предварительного заключения; позднее освобожден. С 1917 — проживал в Москве, работал адвокатом. 25 июня 1929 — вызван на допрос по групповому делу. 19 июля арестован, 2 августа приговорен к 3 годам ограничения проживания в шести городах (-6). В августе — передал из тюремной камеры заявление в ОГПУ.

<15 августа 1929>

«Ивана Иосифовича ПЛЯТТ, члена Коллегии Защитников, Леонтьевский пер<кулок>, д<ом>, 24, кв. 4, по делу по обвинению его по 58-10 ст<атье> УК (дело ОГПУ № 74261)

З А Я В Л Е Н И Е

25 июня с<его> г<ода> я был вызван в Секретный Отдел ОГПУ к гр<ажданину> ГОРБУНОВУ, который после моего допроса по делу художника СЕРГЕЕВА предъявил мне обвинение по <статье> 58-10 УК, обязав меня подпиской о невыезде.

19 июля, за два дня до окончания следствия, я в связи с этим делом был арестован и 7 августа освобожден из Бутырской тюрьмы с обязательством явки в ОГПУ.

8 августа мне было объявлено постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 2/VIII – 29 г<ода> о том, что мне воспрещено проживание в 6 городах.

Как выяснилось из допроса меня следователем ГОРБУНОВЫМ, я обвинялся в том, что, будучи в гостях у художника СЕРГЕЕВА осенью 1928 г<ода>, я, будто бы, после прочтения там стихотворения Волошина, посвященного ЧК, сказал фразу, приблизительно отредактированную следователем так: "Гениальный Волошин в немногих словах выразил то, что думает вся интеллигенция". Кто приписал мне произнесение этой фразы, я от следователя не мог узнать, но он, основываясь на материалах неизвестного мне дознания и считая эту фразу, несмотря на мои решительные протесты, бесспорной, предъявил мне обвинение по 58-10 ст<атье> УК. Формулировка обвинения была несколько странной. Следователь усмотрел почему-то мою причастность к "монархической группировке художника СЕРГЕЕВА". Это постановление, именно в такой редакции, несмотря на мои протесты, было мне объявлено, и я его подписал.

Обвинение в причастности к монархической группировке должно быть основано на точных данных и органически должно быть связано с личностью обвиняемого. Предъявление же мне такого обвинения было

явно несостоятельным. Начиная с 1900 г<ода> — первого года вступления моего в университет — я, не принадлежащий к партийному студенчеству, социалист по убеждению, подвергался бесконечным репрессиям за мои республиканские убеждения. Я неоднократно сидел по царским тюрьмам в разных городах. В Одессе сидел два раза, в Ташкенте — один раз, в Петербурге — один раз. По окончании университета в 1907 г<оду> я был привлечен к ответственности по 102 ст<атье> Уголовного уложения за участие в коалиционном совете Новороссийского университета. В связи с этим делом я разыскивался по циркуляру департамента полиции, был арестован в Петербурге в 1910 году и сидел в петербургском охранном отделении и доме предварительного заключения.

Моя революционная деятельность в Одессе была настолько яркой, что я удостоился быть особо отмеченным во всеподданнейшем отчете сенатора Кузьминского бывшему царю по поводу одесских беспорядков в связи с моей речью на одесском вокзале во время демонстративной встречи проф<ессора> Ярошенко. Эта моя революционная деятельность хорошо известна моему товарищу по университету Я. М. ШАТУНОВСКОМУ, ныне члену Партии ВКП (б) и литератору по истории декабристов и революционного движения С. Я. ШТРАЙХУ (отзыв последнего при сем прилагаю).

Во время почти перманентных моих исключений из университета за революционную деятельность, я переносил таковую в Ташкент, где жили мои родные. В Ташкенте я, в числе других революционных деятелей, вел пропагандистскую работу среди войск ташкентского гарнизона и мое имя связано с историческим бунтом ташкентских сапер. Мы организовывали нелегальные съезды железнодорожных рабочих и по возможности старались охватить всю революционную работу в Туркестане. В 1906 г<оду>, в числе других революционных работников Туркестана, был приговорен к смерти обществом офицеров 1-го туркестанского стрелкового батальона и 2-й пешей и вьючной пулеметной роты. Офицерство грозило нам смертью в случае очередного революционного выступления. Угрожающие письма получили, кроме меня, М. В. Морозов, А. Б. Борейха, А. А. Мейер и другие. В том же году, после ареста всей редакции газеты "Русский Туркестан", я редактировал одну революционную газету "Вперед". Газета скоро была закрыта администрацией, я был арестован, сидел в ташкентской тюрьме и по распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Шпицберга был выслан из Ташкента с проходным свидетельством в гор<од> Выхов Могилевской губ<ернии>.

Воспользовавшись паспортом, который я сохранил и, уничтожив проходное свидетельство, я поехал в Одессу, где в июне 1907 г<ода> окончил университет по юридическому факультету, сдав сразу экзамены за 3-й и 4-й курсы.

По окончании университета вернуться в Ташкент мне не удалось, так как мое решение о разрешении въехать в край встретило решительный отказ со стороны нового генерал-губернатора генерала Гродекова в связи с прошлой моей революционной деятельностью в Туркестане.

Эта моя революционная деятельность в Туркестане всегда может быть удостоверена членом Общества Старых Большевиков, членом Партии ВКП (б) Михаилом Владимировичем МОРОЗОВЫМ. Отзыва его обо мне представить не могу, так как до 1 сентября М. В. МОРОЗОВ выехал в Сочи.

С 1909 по 1911 г<од> я почти полунелегально жил в Ростове на Дону, имея над собой 102 ст<атью> Угол<овного> уложения.

Этот мой кратко описанный революционный стаж резко отмечает даже возможность предъявления ко мне обвинения "в причастности к

монархической группировке". Такое обвинение не вяжется со всей моей жизнью и моим мирозерцанием.

Обращаясь к существу предъявленного мне обвинения, я должен сказать следующее.

С художником СЕРГЕЕВЫМ, которого я мало знаю, я встречался случайно три раза в жизни. В 1927 г<оду> ко мне как-то позвонил домой юрисконсульт Профсоюза пищевиков МЕШКОВ и просил меня принять по делу его товарища. Последним оказался явившийся ко мне СЕРГЕЕВ, которому я дал юридический совет, получив с него в виде гонорара 5 рублей.

Осенью 1928 г<ода> артистка ЧЕБОКСАРОВА в разговоре со мною передала мне привет от моего бывшего клиента СЕРГЕЕВА и приглашение его как-нибудь заехать к нему: у него, мол, собирается интересное общество — художники, поэты и т<ому> п<одобное>. Я очень осторожен в выборе знакомств, но, когда я узнал, что СЕРГЕЕВ в приятельских отношениях с женщиной-врачом СЛИОЗБЕРГ, муж которой был партийцем и председателем Революционного Трибунала, что СЛИОЗБЕРГ, уезжая в Афганистан, уступила свою комнату СЕРГЕЕВУ, — я счел возможным навестить СЕРГЕЕВА и осуществил это случайно в августе 1928 г<ода>, когда однажды ко мне из его квартиры позвонила интересовавшая меня артистка АЙДАРОВА. В первое посещение СЕРГЕЕВА я у него застал 5-6 человек. Никто никаких стихов не читал; у меня с СЕРГЕЕВЫМ возник разговор о творчестве Анатоля Франса, поклонником которого я являюсь, а потом СЕРГЕЕВ увлекательно рассказывал нам о "Джоконде" Леонардо да Винчи. Просидел я тогда у СЕРГЕЕВА не больше часа и уехал вместе с АЙДАРОВОЙ, которая просила проводить ее домой.

Второе и последнее, но оказавшееся роковым для меня посещение СЕРГЕЕВА относится к концу ноября или началу декабря 1928 г<ода>. До этого моя жена, увлекающаяся старинным искусством, познакомилась с СЕРГЕЕВЫМ на вечере у ЧЕБОКСАРОВОЙ. В один из ноябрьских или декабрьских вечеров я вернулся домой из Верховного Суда Союза в начале одиннадцатого часа вечера после заседания по делу сотрудников ЦОС'а, где я выступал защитником. Дома жена мне сказала, что хочет воспользоваться телефонным приглашением СЕРГЕЕВА и поехать к нему и, кстати, посмотреть не то старинный ковер, не то какую-то старинную вышивку. Мы приехали к СЕРГЕЕВУ, он жил в М<алом> Златоустинском пер<еулке>, д<ом> 4, в начале 12-го часа ночи — в комнате было человек 7-9. Из моих знакомых я заметил только артисток АЙДАРОВУ, ЧЕБОКСАРОВУ и инженера БРАУДЕ, с которым познакомился на вечере у ЧЕБОКСАРОВОЙ. В момент нашего прихода СЕРГЕЕВ и, как я потом узнал, артист II-го МХАТ'а ПОТОЦКИЙ, говорили о творчестве Волошина. Тогда я впервые услышал, что Волошин отошел от лирики и ударился в мистицизм. Для иллюстрации этого положения кем-то из них было прочитано очень длинное стихотворение Волошина, в содержание которого мне от усталости не удалось вникнуть. Помню, что было очень скучно, чувствовал себя крайне утомленным после судебного заседания и, видя вдобавок, что вместо легкой беседы меня угощают скучными стихами, дал понять жене, что хочу скорее уехать домой.

Категорически утверждаю, что после прочтения этого длинного стихотворения мы первыми покинули квартиру СЕРГЕЕВА, оставив там почти все немногочисленное общество.

Утверждаю вполне категорически, что при мне никаких контрреволюционных стихов не читалось, и что стихотворение о ЧК я впервые услышал только из уст гр<ажданина> ГОРБУНОВА в здании ОГПУ.

Я просил следователя дать мне очную ставку с тем лицом, которое приписало мне произнесение инкриминируемой мне фразы. Очной ставки я ни с кем, однако, не получил. Художник СЕРГЕЕВ, с которым судьба в последний раз столкнула меня 20 июля в камере № 60 Бутырской тюрьмы, категорически подтвердил изложенные ему мои показания и решительно отрицал произнесение мною упомянутой выше фразы. Об этом он даже писал в ОГПУ.

Я осужден совершенно безо всякой вины. Я домогаюсь пересмотра дела и своей реабилитации. Высылка равносильна для меня гражданской смерти. Я отрываюсь насильно от семьи, обрекаемой на голодное существование и от любимой работы, которой отдал 22 года жизни и которой создал себе безупречное имя.

Прошу пересмотреть мое дело и до рассмотрения настоящего заявления по существу, приостановить мою высылку.

Иван Плятт.

Москва, 15 августа 1929 г<ода>»¹.

К заявлению Ивана Иосифовича Плятта было приложено заявление литератора Соломона Яковлевича Штрайха.

«Соломон Яковлевич
Ш Т Р А Й Х
Москва, Красная пл<ощадь>,
д<ом> 11, кв. 14,
тел<ефон> 1.34.95

Копия

14 августа 1929 года

Настоящим удостоверяю, что знаю Ивана Осиповича ПЛЯТТА с 1904 года по Новороссийскому университету (в Одессе), где он был студентом юридического факультета. Помню деятельность И. О. ПЛЯТТА в 1904 – 1907 годах, когда он принимал самое активное участие в революционном движении, центр которого для Одессы сосредоточился в университете. Я по обязанности сотрудника газ<еты> "Одес<ские> Новости" бывал на всех революц<ионных> сходках в университете, по своему положению и личным связям я всегда бывал на заседаниях Коалиционного совета (представительство революц<ионной> организации), где всегда участвовал И. О. ПЛЯТТ. На всех наших революц<ионных> собраниях, как студенческих, так и общегородских И. О. ПЛЯТТ чаще всех других наших товарищей (И. И. ШИК, ШАЛВА, МЕСХИЕВ, тов<арищ> МАКАР-ЖВИФ, ныне полномочный представитель СССР в Норвегии) выступал с очень смелыми и резкими речами (некоторые его выступления отмечены в моих газетных отчетах) и пользовался большой популярностью в городе, а также ненавистью в наших правых организациях. Хорошо помню, что И. О. ПЛЯТТ принимал деятельное участие в организации революц<ионной> самообороны во время и после погрома 1905 года.

С. Штрайх.

С подлинным верно:

<подпись>»².

Очевидно, приговор Ивану Иосифовичу Плятту остался без изменений. В 1932 — за его возвращение в Москву его родные обращались за помощью в ПОМПОЛИТ³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 385. С. 291-293. Машинопись, подпись — автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 385. С. 294. Машинопись, подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 716. С. 88; Д. 792. С. 110.